

ЕЩЕ РАЗ О «ЗАГАДКЕ» И. П. БЕЛКИНА

«Повести Белкина» А. С. Пушкина, написанные в знаменитую болдинскую осень 1830 года, при всей их видимой простоте, принадлежат к числу наиболее загадочных произведений в русской литературе и дают возможность для самых различных толкований. Среди пушкинистов, в частности, до сих пор не утихает спор о том, кто же такой Иван Петрович Белкин и какова его роль в сюжетно-композиционной организации цикла.

Господствующая традиция рассматривать образ И. П. Белкина в соотношении с мировоззрением самого Пушкина давала возможность появлению диаметрально противоположных, несовместимых гипотез. Белкин становился то «любимым типом» А. С. Пушкина, выразителем «здорового чувства, кротости и смирения», частью самого писателя, который «Белкина в своей душе заключил», то его автопародией; то потаенным последователем Радищева, то непонятым талантливым художником, большим писателем¹.

Подобные крайние суждения субъективны, малодоказательны, так как текст предисловия не дает достаточного материала для бесспорной реконструкции личности и общественной позиции Белкина. Затемненность его характеристики — сознательна. Для Пушкина Белкин был важен не столько как личность с вычлененной социальной характеристикой, сколько как композиционный центр цикла. Предисловие издателя, знакомящее с мнимым автором повестей, нужно Пушкину, чтобы читатель понимал, что существуют разные уровни восприятия жизни.

Вряд ли правы те исследователи, которые считают, что И. П. Белкин — это зашифрованный «талантливый художник», единственный повествователь во всех новеллах. Ведь Белкин только записывал чужие истории, «слышанные им от разных особ». Неубедительна гипотеза, что Белкин является «...большим писателем, умершим молодым человеком, не-

---

¹ Подобные толкования образа И. П. Белкина даются в статьях А. Григорьева, заметках Ф. М. Достоевского, в работе М. И. Мальцева «Проблемы социально-политических воззрений А. С. Пушкина». Чебоксары, 1960; В. Г. Одинокова «Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века». «Наука», Новосибирск, 1970.

признанным, непонятым и неизвестным, что... все повести созданы поэтическим воображением рассказчика Белкина, который не тождественен героям, от имени которых ведется повествование»².

Белкин И. П. — это лишь особое читательское восприятие, та призма, проходя через которую, объединяются в общую рамку различные стилевые потоки. Присутствие Белкина (а оно важно для всех рассказов цикла) помогает соотнести на равных началах различные контексты (устный сказ рассказчиков, точку зрения героев, авторское начало) с различными типами читательского восприятия.

Исходя из такой предпосылки, попытаемся предложить еще одно объяснение «загадки» Белкина. В тридцатые годы, в пору написания «Повестей Белкина», между Пушкиным и читателями нарушается то взаимопонимание, которое существовало ранее. Возникает несоответствие между возможностями читательского восприятия и пушкинским реалистическим текстом, который не укладывается в привычные для читателя представления.

Пушкин очень тяжело переживал создавшуюся ситуацию. Трагическое раздумье об этом становится темой ряда лирических стихотворений 30-х годов, маленьких трагедий. В восьмой главе романа «Евгений Онегин» (завершенной в 1830-м году в Болдине), подводя итоги очень важному разговору с читателем, поэт высказывает страстное желание найти читателя-друга:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.

Можно предположить, что написанное в это же время предисловие к «Повестям...» от издателя А. П. и сам образ Ивана Петровича Белкина связаны с этим же кругом проблем, которые так волновали писателя. Тогда предисловие получает особый смысл:

Пожилой ненарадовский помещик с его убеждением, что сочинять вообще неприлично, с его ограниченностью, житейским благоразумием, снисходительным отношением к Белкину — представляет тип того массового читательского сознания, которое не понимало и не принимало Пушкина. Реализм повестей, их оригинальность, новаторство воспринимались как «недостаток воображения». Для такого читателя сюжеты повестей — занимательные истории, страсть к которым питали еще фонвизинские Митрофанушка и Скотинин.

Другой тип читательского сознания находит свое воплощение в образе И. П. Белкина. Это прямая противоположность ненарадовскому помещику, который, сравнивая себя с

² В. Г. Одинокоев. Проблемы поэтики и типологии русского романа XIX века. «Наука», Новосибирск, 1971, стр. 40.

Белкиным, справедливо считал, что «...ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом мы большею частью друг с другом не сходились».

Контрастность двух типов читательского сознания заключена уже в эпиграфе, который был напечатан на титульном листе прижизненного издания в 1831 году.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. («Недоросль»).

Этот эпиграф, важный для понимания всего цикла, — купированный отрывок из контекста фонвизинской комедии.

Правдин. Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, что оно прилагается к глупому человеку?

Митрофан. И ведомо.

Г-жа Простакова. Каково, мой отец?

Правдин. Нельзя лучше. В грамматике он силен.

Милон. Я думаю, не меньше и в истории.

Г-жа Простакова. То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник.

Скотинин. Митрофан по мне. Я сам без того глаз не сведу, чтоб выборный не рассказывал мне историй. Мастер, собачий сын! Откуда что берется!

Диалог из «Недоросля», процитированный в качестве эпиграфа, воспринимается сегодня односторонне. В полном тексте комедии разговор Правдина и Милона с г-жой Простаковой и Скотининым служил выявлению противоположности между двумя уровнями культуры. Комическая двуплановость возникает из различного толкования значения слова «история». Для Правдина и Милона «история» — это наука, для Простаковой и Скотинина «история» — это сказки и занимательные байки.

Каждая группа героев имеет свое, как говорит Скотинин «по мне», представление о жизни.

Пушкин оставляет в эпиграфе только одно — митрофановское толкование истории, соответствующее позиции ненародовского помещика. Но ему было важно показать, что существует и правомерен другой подход и осмысление различных жизненных историй, другая возможность читательского восприятия.

И. П. Белкин — идеальный для Пушкина слушатель и читатель. Воспринимая рассказы различных повествователей, он проникает в их подлинную историческую сущность. Сюжеты повестей для него не побасенки, не истории в духе Вральмана, а реальные эпизоды действительной жизни. Белкин хорошо знает русскую действительность, т. к. «в течение двадцати лет извездил всю Россию по всем направлениям»; он демократичен, образован. Пропуская сюжеты повестей через такой тип читательского сознания, Пушкин добивается их

объединения в общую картину жизни России. Образ Белкина возникает как стремление найти понимающего его демократического читателя, активно мыслящего, принимающего новую систему повествования, который за традиционными сюжетами может распознать реальную картину действительности.

Создавая новую реалистическую прозу, Пушкин в «Повестях Белкина» лукаво предлагал читателю такие сюжеты, которые проецировались на известные традиции сентиментально-романтической школы. Однако это приводило большинство читателей к ложному пониманию сюжета повестей в рамках известных канонов. Пушкин же хотел иметь такого реципиента, который бы сумел в рассказанных историях увидеть сложные противоречия действительности, не укладывавшиеся в готовые схемы. Такого читателя в 30-е годы почти еще не существовало. Но мечта о том времени, когда читатель станет подготовленным для понимания новых принципов отражения жизни в литературе, нашла свое отражение в мистифицированном образе И. П. Белкина — читателе-друге, слушателе, способном соединить различные сюжеты воедино, услышанные истории воспринять и осмыслить не как занимательные «сказочки», «анекдотцы», а как высшую правду жизни.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

ПРОБЛЕМЫ
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ЛЕНИНГРАД
1975